

© У. В. Окимбеков

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НЕМУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН АФГАНИСТАНА XIX В.

На начало XIX в. население Афганистана по своему религиозному составу в подавляющем большинстве состояло из мусульман-суннитов, а также этно-конфессиональных групп, исповедовавших шиизм и представлявшихся как местным населением из числа хазарейцев, так и племенами джамшиды и кызыльбашиев, туда переселенных разными правителями. Кроме них имелись и последователи доисламских верований, такие как кафиры — автохтонные народы, сохранившие древние религиозные обряды и традиции, но насилию обращенные в ислам афганскими властями в конце XIX в. Другие небольшие немусульманские общины, переселившиеся или переселенные в эти земли в разные периоды истории, состояли из армян, евреев и индусов. Под последними в источниках во многих случаях понимались все немусульмане выходцы из индийских земель. Несмотря на малую численность они играли важную роль в развитии афганской внутренней и внешней торговли. В отечественной литературе не проводилось комплексное исследование социально-политической и хозяйственной жизни афганских армян, евреев и индусов в XIX в. В настоящей статье предпринимается попытка показать главные причины переселения представителей этих общин в афганские города, проследить динамику их численности, выявить факторы, воздействовавшие на нее, определить их место в социально-политической и торговой жизни Афганистана XIX в., а также показать характер отношений к ним со стороны афганских властей и общества на протяжении указанного столетия.

Ключевые слова: Афганистан, армяне, евреи, индузы, общество, церковь, синагога, торговля

Ссылка при цитировании: Окимбеков У. В. Социально-экономическая жизнь немусульманских общин Афганистана XIX в. // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 324–339.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/324-339

Original Article

© Ubayd Okimbekov

SOCIAL AND ECONOMIC LIFE OF NON-MUSLIM COMMUNITIES IN AFGHANISTAN IN THE 19TH CENTURY

In the early 19th century, Afghanistan's population was predominantly composed of Sunni Muslims and various ethno-religious groups practising Shia Islam, including the local Hazara community and the Jamshida and Kyzylbash tribes, who were relocated to the region by different rulers. Additionally, there were adherents of pre-Islamic beliefs — indigenous peoples who maintained ancient religious practices and traditions but were forcibly converted to Islam by Afghan authorities in the late 19th century. Other small non-Muslim groups that migrated to these lands throughout history included Armenians, Jews, and Hindus, with the latter term often referring to all non-Muslim inhabitants from India. Despite their relatively small numbers, these communities played a significant role in developing Afghanistan's domestic and international trade. However, the social, political and economic conditions of Afghan Armenians, Jews, and Hindus during the 19th century have not received sufficient attention in Russian scientific literature. This paper aims to ascertain the main reasons for their migration to Afghan cities, to trace the historical shifts in their population numbers, to identify the factors that influenced these changes, to determine their role in the socio-political and commercial landscape of Afghanistan during this period, and to examine the attitudes of the Afghan government and society towards these groups during the 19th century.

Keywords: Afghanistan, Armenians, Jews, Hindus, society, church, synagogue, trade

Author Info: Okimbekov, Ubaid V. — Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Center for Near and Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ubayd@inbox.ru

For citation: Okimbekov, U. V. 2025. Social and Economic Life of Non-Muslim Communities in Afghanistan in the 19th Century. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 324–339.

Численность афганских армян, евреев и индусов в динамике

История немусульманских общин Афганистана насчитывает несколько сотен лет (Куповецкий 1992: 55–56; Григорьев 2017: 157–159). Их появление на афганской земле происходило по разным причинам, но в последние столетия оно во многом связывалось с становлением и развитием внутренней (на уровне городов и областей) и внешней (с соседними государствами) торговли, ставшей практически единственным для этих групп занятием в пределах Афганистана. Следовательно, местами компактного проживания армян, евреев и индусов были преимущественно Кабул, Кандагар, Герат, Хулем, Балх, Маймана, а также прочие средние и мелкие населенные пункты, обладавшие в разной степени и форме местными базарами. Если армяне и евреи встречались только в отдельных из перечисленных выше афганских городов, то индузы присутствовали почти везде, где хоть на каком-то уровне имела место торговля.

Относительно численности афганских армян, евреев и индусов в источниках имеется разного рода, порою противоречивая, информация. В силу отсутствия данных, для общей оценки ее динамики нами будут использованы сведения по основным городам и населенным пунктам, где имелись относительно большие группы или отдельные кварталы, принадлежавшие этим группам.

Армяне изначально жили преимущественно в афганской столице и по численности везде уступали двум другим рассматриваемым группам. В Кабул относительно большая община была переселена иранским правителем Надир-шахом Афшаром (1736–1747), а позже основателем афганской государственности Ахмад-шахом Дуррани (1747–1763) (*Forster* 1808 Vol. 2: 98–99), хотя первые представители этого народа в афганской столице появились еще раньше (*Борис* 1848: 219–221; *Masson* 1844 Vol. 2: 274; *Seth* 1992: 207–208). Надир-шах Афшар переселил в этот город 200 семей или 500 человек (*Allen* 1843: 312–313; *Seth* 1992: 213), из которых, по одним сведениям, к 1830 гг. осталась небольшая группа из 21 человека (*Борис* 1848: 219), по другим — 23 (4 мужчины и 19 женщин) (*Seth* 1992: 208), а к началу 40-х гг. XIX в. их насчитывалось 35 человек (*Allen* 1843: 313).

Вероятно, в последующие 10 лет среди них имела место миграция в другие государства, поскольку к началу 1850-х гг. сообщается об отъезде очередной семьи из Кабула, а численность оставшихся указывается в 12 человек (*Lee* 2002: 160). К середине 70-х гг. XIX в. наблюдается рост до 100 человек (*Mason* 1893: 16; *Kakar* 1971: 14; *Ромодин* 1990: 65), что, вполне возможно, отчасти произошло за счет высокого уровня рождаемости, отмеченного среди армян Кабула (*Forster* 1808 Vol. 2: 99). Так или иначе эти сведения показывают многократное сокращение их численности со времени массового переселения в Кабул иранским правителем.

Эпоха афганских армян завершается после восстания губернатора афганского Туркестана Исхак-хана (1888 г.), внука Дост Мухаммада, рожденного от брака его сына А'зам-хана с дочерью армянского купца из Кабула. В рамках организованных эмиром мероприятий по подавлению мятежа все родственники губернатора по линии матери были изгнаны из страны и, таким образом, к концу столетия в таких главных городах как Герат, Кабул и Мазари-Шариф их практически не осталось (*Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din* 1910: 59). Позже, обратно вернувшись из Пешавара 21 человек во главе с оружейным мастером, навсегда уехали в Калькутту. Эмир не только надеялся на их возвращение, но и попытался пригласить дополнительно 10–12 других армянских семей из числа специалистов разных профилей. В 1897 г. всех оставшихся из 18 человек (6 мужчин и 12 женщин), якобы по просьбе турецкого султана, эмир депортировал в Пешавар (*Seth* 1992: 208, 213–218; *Lee* 2002: 161).

Хотя средневековыми источниками сообщается о значительном числе евреев в перечисленных выше городах (*Aharon* 2011: 19–21), однако к началу XIX в. их оказалось в разы меньше. В зависимости от социально-политических и торгово-экономических условий отдельные афганские города и места в разные периоды истории могли стать центрами поселения евреев и индусов. На период между XVII–XVIII вв. приходится деловая активность и заметный рост численности, в первую очередь, евреев в Герате. Это, вероятно, происходило по двум главным причинам: во-первых, по мере роста значимости города в качестве торгового центра и узла, связывавшего караванные пути, во-вторых, из-за усиления давления на евреев со стороны сефевидских правителей в Иране. В этот период из иранского Исфахана в афганские города, главным образом Герат, Кабул и Майману переселялись как евреи, так и армяне (*Туманович* 1989: 69–70; *Aharon* 2011: 23).

Относительно их численности по городам имеются такие неполные сведения: Е. К. Мейендорф (начало 20-х гг. XIX в.) писал о 10 еврейских семьях в Герате (*Мейендорф* 1975: 95), однако по информации А. Конолли, побывавшего в Афганистане лет через 10, численность иудейских хозяйств составляла 40 семей (*Conolly* 1834 Vol. 2: 2–3, 34).

Динамика численности гератских евреев находилась в прямой зависимости от положения в соседнем Иране и от его внешней политики. Так, в результате начавшихся гонений против них в Мешхеде в 1839–1840 гг. число иудейских семей в Герате достигло 300 (или 1,5 тыс. человек), большую часть которых составляли беженцы (*Abbott* 1843: 40–41, 44; *Ferrier* 1857: 122–123; *Вамбери* 2003: 212; *Aharon* 2011: 23–24), а очередной поход Ирана в Герат в 1857 г. стал большой проблемой для представителей иудейской общины, которых обвинили в пособничестве гератскому правительству при обороне города. Часть евреев была увезена в Мешхед и только через два года получила возможность вернуться обратно (*Aharon* 2011: 24–25).

Немусульманские общины продолжали жить в Герате и после его окончательного подчинения центральной властью Кабула (1863 г.). К середине 80-х гг. XIX в. там проживало несколько сотен индусов, немного армян и евреев с собственными кварталами (*Yate* 1887: 140), в частности, 220 иудейских семей (*Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din* 1910: 59). Имеются еще и сведения А. Гамильтона, который без уточнения года пишет о 400 еврейских семьях, живших в этом городе (*Гамильтон* 1908: 22). Кроме того, наличие восьми синагог в Герате также свидетельствует о большом числе иудеев там (*Григорьев* 2017: 160).

В районах афганского севера на протяжении XIX в. численность евреев в целом осталась стабильной. По сведениям Е. К. Мейендорфа в Балхе имелось 30 (*Мейендорф* 1975: 95), а Макгрегора — 1 тыс. еврейских семей (*MacGregor* 1871: 193), что с учетом физического состояния города и общей численности его жителей вызывает сомнения, поскольку согласно В. Муркрофту все население Балха состояло из менее 1 тыс. семей с небольшим числом индусов и евреев (*Moorcroft, Trebeck* 1841 Vol. 2: 494).

Рис. 1. Синагога муллы Иоава в Герате (годы строительства 1788–1808).

Источник: Lintz 2020b

К 60-м гг XIX в. в соседнем Маймане имелись 50 еврейских семей, пользовавшиеся наряду с другими жителями «равной свободой, и их нимало» не беспокоили «религиозные и национальные различия» (*Вамбери* 2003: 184–185; *MacGregor* 1871: 590), а к середине 80-х гг. все еще сохранился отдельный квартал евреев (*Yate* 1888: 255–256). К концу рассматриваемого столетия на севере и северо-западе евреи преимущественно встречались в таких городах как Балх, Герат, Мазари-Шариф, Маймана и Ташкурган (*Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din* 1910: 59).

В Кабуле евреев в целом было много, но к 30-м гг. XIX в. их численность наряду с армянами резко сократилась вследствие введения эмиром Дост Мухаммадом (с 1826 по 1834 гг. правитель Кабула, а в 1834–1840 и 1842–1863 гг. эмир Афганистана) запрета на производство алкоголя, служившего основным источником их доходов. За короткое время из нескольких сотен семей в городе остались только три (*Борис* 1848: 220; *Борис* 1849: 428), а к концу столетия в столице они вовсе не встречались. Возможно поэтому в отличие от других афганских городов кабульские евреи не обладали собственным кварталом и жили разбросаны, располагая только одной синагогой (*Григорьев* 2017: 160).

По некоторым оценкам «всего в XIX в. в Афганистане было более 60 еврейских общин, численностью около 45 тыс. человек» (*Григорьев* 2017: 160), что кажется сомнительным. Как видно из приведенных выше сведений путешественников, данный показатель был существенно ниже.

Индусов по численности в афганских городах было гораздо больше армян и евреев. Хотя по сведениям конца XVIII в. в Герате имелось 100 купцов-индусов (*Forster* 1808 Vol. 2: 151), к началу 30-х гг. сообщается об 1 тыс. индусов в этом городе (*Conolly* 1834 Vol. 2: 2–3, 34).

Кандагар — единственный среди крупных афганских городов, где не встречались армяне и евреи, но имелось относительно много индусов (*Ferrier* 1857: 493). По данным, относящимся к 50-м гг. рассматриваемого века, в городе насчитывалось 300 хозяйств индусов и 100 кашмирцев (*Lumsden* 1860: 189–190). К 80-м гг. XIX в. их число составило 5 тыс. человек (большинство из них было выходцами из Синда), что примерно равнялось 16% от общей численности населения города (31 тыс. человек) (*Elles* 1893: 16–17). Такое же соотношение имелось в г. Газни с 900 жилыми домами, из которых 150 принадлежали семьям индусов (*Broadfoot* 1885 Vol. 1: 353). Из расчета одной семьи на каждый дом их доля и там могла составить 16%.

Число индусов умеренно росло и в Кабуле. Согласно М. Лал, в 30-х гг. XIX в. их там проживало менее 2 тыс. человек (*Lal* 1846b: 74), а материалы незавершенной афганской переписи 1876 г. в отдельную группу выделяли индусов — 4 тыс. и кашмирцев — 3 тыс. (*Mason* 1893: 16; *Kakar* 1971: 14; *Ромодин* 1990: 65).

Отечественные источники рассматриваемого столетия оценивали общую численность афганских индусов в 300 тыс. человек. Как было выше подчеркнуто, индузы главным образом жили в городах, а совокупное число горожан Афганистана, по тем же сведениям, не превышало 270 тыс. (ВСС 1868: 44–45). Поэтому, на наш взгляд более близкими к реальности являются оценочные данные переписи 1876 г., согласно которым к середине 70-х гг. XIX в. всего индусов в Афганистане насчитывалось 35 тыс., а кашмирцев — 3 тыс. человек (*Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din* 1910: 55).

Таким образом, сведения по отдельным населенным пунктам показывают, что на протяжении XIX в. произошел относительный рост численности афганских индусов и был он напрямую связан с расширением и ростом объемов торговли Афганистана. Индузы главным образом находились в центральных, южных и восточных областях и связывалось это

с развитием торговли с Индией. Стабильность, в общем и целом, имела место и в отношении евреев, но отличалась тем, что баланс их численности главным образом держался на переселенцах из Ирана, хотя по отдельным городам наблюдались сильные сокращения. Относительно армян можно лишь сказать, что их численность постепенно сокращалась, а мятеж Исхак-хана окончательно положил конец их истории в Афганистане.

Социально-политическая жизнь немусульманских общин Афганистана

Одни источники сообщают о перманентном давлении со стороны властей на немусульман в Афганистане, другие — говорят об имевшейся всесторонней свободе в разных подконтрольных афганским правителям городах. В Кабуле по сообщениям Г. Форстера, например, «христиане, индузы и евреи открыто исповедовали свою веру и без притеснений занимались своими делами» (*Forster 1808 Vol. 2: 57, 77*). А. Конолли, наоборот, говорит о наличии продолжавшихся притеснений и унижений в отношении евреев и индусов, ставшие причиной значительного сокращения их численности (*Conolly 1834 Vol. 2: 2–3, 34*).

Следует отметить, что материальный прессинг властей ощущался практически всем без исключения населением, в частности, хазарейцами и таджиками (*Окимбеков 2021*), поэтому сразу отметим, что источником повышенного внимания властей к рассматриваемым нами группам прежде всего служили полученные сверхдоходы от занятия торговлей, а религиозное отличие местами служило лишь поводом для усиления давления. Хотя на уровне общества к немусульманам отношение было негативное, правителям удавалось в достаточной степени обеспечивать их безопасность и жизнедеятельность. Иными словами, их судьба и положение полностью зависела от настроения и отношения находившихся у власти правителей. В связи с этим им удавалось найти возможность жить и заниматься торговлей в афганских городах, а отдельным лицам из числа индусов подняться на высокие должности при дворах правителей. Немусульмане обладали достаточным материальным состоянием, но, на практике, в окружении коренного населения и из-за страха перед служащими властных структур им приходилось формально демонстрировать простоту, в частности, и в плане ношения одежды (*Ferrier 1858: 320*).

Купцы-иноверцы состояли из двух групп: местных и приезжих. В первую входила часть, жившая на постоянной основе со своими семьями в афганских городах и располагавшая собственностью в виде частных домов и торговых лавок (*Forster 1808 Vol. 2: 151–152; Conolly 1834 Vol. 2: 36*), а во вторую — индивиды, десятилетиями занимавшиеся торговлей и ростовщичеством (главным образом, из числа индусов) (*Ferrier 1858: 453–454*).

Единственным преимуществом для немусульман в Афганистане можно назвать освобождение от воинской повинности (*Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din 1910: 59*), однако на них распространялся дополнительный налог — джизья¹. Поскольку формы и методы взимания всех видов налогов, поборов и пошлин, как и собственно с мусульманского населения, определялись хаотично, то для иноверцев проблема заключалась не столько в их уплате и размерах ставок, сколько в процессе оформления и получения подтверждающего документа (*Adamec 1979 Vol. 4: 445; Ferrier 1857: 141; Leech 1839: 30*). Уклоняться от налогов, в отличие от пуштунов было сложно, поэтому местами внеш-

¹ Джизья — в мусульманских странах подушная подать с иноверцев в качестве выкупа за обеспечение защиты и безопасности жизни и имущества. Она не распространялась на женщин, стариков, инвалидов, нищих, рабов, а также воевавших в рядах мусульманской армии христиан.

нее сходство с мусульманами и способности владения местными языками, например, помогли евреям и армянам замаскировываться и сливаться с коренным населением, а индусам периодически понадобилось искать всевозможные комбинации для минимизации материальных и моральных затрат (*Conolly* 1834 Vol. 2: 180–181). Поэтому, как мужчины, так и женщины, чтобы не отличаться, одевались в стиле окружающего мусульманского большинства (*Lintz* 2020a).

Купцы в целом испытывали материальное давление при всех правителях, что было связано с перманентной нехваткой средств в казне, однако серьезной, в частности, для индусов, ситуация стала после получения Дост Мухаммад-ханом титула «эмира» (1834 г.), давшего ему статус духовного предводителя и позволившего принимать соответствующие решения (фетва) в обход представителей духовенства. В частности, эмир поручил требовать с иноверцев дополнительные налоговые суммы, что и было сделано в предельно жесткой форме. Исключением никто не стал, поскольку, завершая кампанию против индусов, власти взялись за мусульманскую часть купцов (*Lal* 1846a Vol. 1: 170–171).

Правители, обладавшие информацией о доходах немусульман, по разным поводам заставляли их организовать сборы средств. В Джелалабаде местных индусов, например, обязывали по праздникам подносить губернатору небольшой по стоимости подарок, который со временем превратился в отдельный вид налога под названием *идана* (досл. праздничный) (*MacGregor* 1871: 410). В целом, официальное и неофициальное налоговое бремя одинаково ощущалось всеми иноверцами, но ставки в разные годы варьировались в зависимости от территории, личности правителя или материально-го состояния объекта налогообложения (*Lumsden* 1860: 95; *MacGregor* 1871: 409, 558; *Adamec* 1979 Vol. 4: 259). Серьезные изменения происходили при Абдурахман-хане, когда повсеместно были официально повышены ставки на джизью. Для индусов вначале вводилась прогрессивная шкала в соответствии с их доходами, а затем каждый взрослый, за исключением инвалидов, пожилых и, предположительно, женщин, должен был платить 16% от своего годового дохода (*Kakar* 1979: 85).

Ставки для иноверцев были выше и по другим распространенным сборам, таким как плата за совершение обряда бракосочетания, которая и так не имела единого стандартного размера, но при союзе мусульманина с индусской, могла вырасти многократно (*Adamec* 1985 Vol. 6: 291). Возможно, такими мерами клерикале старались ограничивать межконфессиональные браки, против которых выступали и сами немусульмане Афганистана. Об этом свидетельствуют конкретные примеры и факты более известным среди которых является отношение армянского купца из Кабула (дед вышеназванного Исхак-хана), противившийся в 1847 г. браку своей дочери с сыном эмира Дост Мухаммада — А'зам-ханом. Для этого он обратился к английскому агенту в Пешаваре за содействием, но брак в итоге состоялся (*Journals* 1911: 378, 380, 528, 537).

Изолированность общественно-политической жизни афганских регионов в частности и страны в целом снизила спрос на элементарную грамотность, а существовавшая система государственного управления, ограничившаяся небольшим набором расходов и не заботившаяся о вопросе развития, остро не ощущала нужду в образованных кадрах. Эти обстоятельства открыли двери возможностей отдельным немусульманам, в первую очередь индусам, назначаться на высокие посты при дворах правителей, выполнять дела государственной важности, особенно, связанные с денежными операциями, заниматься работой налогового аппарата. В качестве таковых обычно выступали крупные купцы, тесно сотрудничавшие с местными правителями.

Их услугами пользовались не только правители центральной власти, но и независимых и полунезависимых княжеств. При дворе правителя Кундуза Мурад-бега (1815–1842) крупный торговец-индус Диван Атма Рама занимал пост деван-беги (министра). Наряду с контролем торговых операций он ведал задачами, связанными с внешними сношениями (*Masson 1844 Vol 2: 318–319*). На особом счету индусы были и у правителя Герата Яр Мухаммада (1842–1851 гг.), высоко оценившего их вклад в развитие местной экономики и всячески старавшийся обеспечить их безопасность (*Ferrier 1857: 453–454*). При Абдурахман-хане индусы нанимались на работу в местные казначейства (*Мартин 1910: 196*), а Диван Нирандж Дасс, крупный землевладелец, обладавший большими домами и садами в Кабуле, занимал у эмира должность начальника бюро доходов (сардафтари вучух) (*Катиб 1915: 1070; Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din 1910: 60*).

Купцы помимо своего непосредственного занятия предоставляли денежные авансы, решали иные, связанные с куплей-продажей вопросы, внося вклад в развитие торговли афганских городов не только качеством поставляемых товаров, но и наличием практического опыта, знаниями. Служба при дворе в свою очередь иногда давала возможность содействовать улучшению непростого положения соплеменников, пользоваться относительно большей свободой и защитой. Но, в общем и целом, даже несмотря на это их права и безопасность полностью никогда не обеспечивались (*Forster 1808 Vol. 2: 82–83, 151*).

Служащие из числа индусов приносили пользу казне, поскольку предельно тщательно изучали доходы населения и формировали максимально выгодные налоговые ставки, разрабатывали эффективные механизмы сбора податей и таможенных пошлин (*Катиб 1915: 1070, 1172–1173, 1204, 1223*). Они часто сотрудничали с местным населением, привлекая их к той работе, которую сами не всегда были в состоянии выполнять. В сфере транзита товаров, например, в качестве торговых агентов ими эффективно использовалась услуга уважаемых среди афганского общества сейидов (потомков пророка) (*Ferrier 1858: 320–321*), а в Герате откупщики-индусы работали по сбору налоговых средств поручали пуштунам (*Ferrier 1857: 275*).

Евреи напрямую к важным правительенным работам не привлекались, однако могли выполнять важные функции, связанные с деятельностью или в личных интересах представителей королевской семьи (*Катиб 1915: 579*). Гератские евреи при Яр Мухаммаде пользовались большой свободой, что привлекало туда их соплеменников из Мешхеда. Хорошие отношения местного правителя с одной стороны и сравнительно тяжелое положение в Иране с другой, вынуждали их при возникновении угрозы оккупации города прямо или косвенно содействовать местным властям. Во время осады Герата персидской армией в 1837–1838 гг. еврейские купцы при посредничестве английского агента Поттингера предоставили гератскому правительству денежный аванс (*Катиб 1915: 131*). Поэтому, вполне возможно, что в 1857 г. (см. выше) они, если не прямо, то, по крайней мере косвенно, принимали участие в борьбе против иранских войск, поскольку у переселившихся из Ирана евреев был политический мотив оказывать содействие правительству Герата в этом противостоянии.

Армяне, изначально, также, как и две другие, в Афганистане занимались торговлей. Надир-шах Афшар непосредственно в этих целях переселил в Кабул целые семьи, но при Ахмад-шахе Дуррани они были вовлечены исключительно в военные дела, сопровождая в качестве личной гвардии афганского правителя во время военных походов. Ситуация менялась при Тимур-шахе (1772–1793 гг.), который после непродолжительной службы далее отказался от услуг около 100 оставшихся в живых армян, что самым

негативным образом сказывалось на их материальном положении (*Forster* 1808 Vol. 2: 98–99; *Lee* 2002: 158). Они и в дальнейшем продолжили пользоваться уважением со стороны мусульман в афганской столице. Так, Ч. Массон, сравнивая жизнь немусульман Кабула, писал, что отношение к нескольким жившим в столице еврейским семьям было в целом хорошее и, особенно чувствовалась атмосфера толерантности, но они ни коим образом не могли соревноваться с армянами (*Masson* 1844 Vol. 2: 246–247).

Это отмечалось и другим английским агентом А. Бернсон, побывавшим в те же годы в Афганистане. По его наблюдениям, армяне обладали значительной свободой в плане исправления религиозных церемоний и обрядов, в частности, в рассчитанной на 100 прихожан церкви (*Борнс* 1848: 220), в которой имелась небольшая икона с изображением Святой семьи, алтарь с подсвечниками, два маленьких креста и два экземпляра Святых Евангелий, небольшая карманная Библия на английском, столик с книгой ежедневных молитв, а также том Евангелии на армянском языке. Однако, отсутствие священника не позволяло им на протяжении 13 лет вести служение и только с появлением англичан при первой англо-афганской войне удалось провести обряд крещения (*Allen* 1843: 312, 315–316).

Серьезный материальный и моральный ущерб армянам нанесла карательная операция английских войск осени 1879 г., когда англичане в рамках тотального разрушения Кабула наряду с частными помещениями, принадлежавшими армянам, полностью уничтожили и здание единственной церкви. Многие обедневшие семьи после назначения Исхак-хана губернатором Туркестана просили у эмира Абдурахман-хана разрешение на переезд в Мазари-Шариф, где к тому времени было больше армян, чем в Кабуле (*Lee* 2002: 160–161). Возможно, разрушение церкви стало другой серьезной причиной окончательного их ухода из Афганистана, поскольку в 40-х гг. XIX в. армяне на вопрос английского офицера о том почему, находясь под постоянным давлением, те продолжают жить в Кабуле, ответили: «Как мы можем оставлять нашу церковь?» (*Allen* 1843: 316).

История армян в Афганистане, как уже отмечалось, завершилась после возникших политических обстоятельств, связанных с восстанием Исхак-хана (1888 г.), которого эмир после мятежа обвинил в сношениях с Россией, называя «армянской служой России» (*Kakar* 2006: 103). Следует отметить, что английский эмиссар, побывавший в те годы на афганском севере, также подчеркнул факт наличия симпатий у губернатора к России, сказав, что он «красивый мужчина с очень неафганским лицом, несомненно, благодаря тому, что его мать была армянской христианкой» (*Elias* 1886: 89).

Эмир традиционно жестко обращался с родственниками и близкими тех, кто прямо или косвенно имел отношение к хищениям имущества, налоговых средств или принимал участие в восстаниях. Поэтому в числе преследуемых и наказанных оказались не только армяне, имевшие прямые родственные связи с губернатором, но и представители всех остальных народов (*Катиб* 1915: 625). В частности, афганские власти периодически арестовывали и мусульман по обвинению в шпионаже в пользу того или иного иностранного государства. Хотя при Абдурахман-хане многих обвиняли по сфабрикованным делам, все же не исключено, что среди рассматриваемых групп находились и работавшие на соседние или дальние страны лица. Имели место случаи ареста евреев по подозрению в шпионаже в пользу России и Ирана (*Катиб* 1915: 467).

Возможно, по этим причинам местные власти в 80-х гг. XIX в. начали строго отслеживать процесс оформления афганскими евреями удостоверений личности и в этих целях приказом губернатора Герата от находившихся в Мерве торговцев-евреев требова-

лось в течении двух месяцев вернуться обратно, что вызвало панику среди них. Власти в случае невыполнения указа грозили конфисковать имущество и выдворять членов их семей за пределы страны (*Катиб* 1915: 554).

Социально-политическое положение афганских армян, евреев и индусов на протяжении рассматриваемого столетия носило переменчивый характер и в целом двинулось в сторону ухудшения. Хотя жестокость властей одинаково имела место и в отношении коренного населения, тем не менее, в силу своего материального положения, а местами этно-конфессионального отличия иноверцы оставались более уязвимыми. Отношение общества к немусульманским купцам в определенной степени зависело от политики правителей, нуждавшихся в услугах последних. В этой связи, свобода вероисповедания и открытие в афганских городах культовых сооружений для практики веры — не результат толерантности местных властей, а скорее показатель значимости самих иноверцев для торговой и финансовой жизни афганских городов.

Место и роль немусульманских общин в торгово-экономической жизни Афганистана

Торговля — единственное, что могло в XVIII–XIX вв. привлекать армян, евреев и индусов в афганские города. Переезд тех же иранских евреев в поисках более безопасной жизни в Афганистан происходил с учетом наличия возможностей заняться торговлей. Наряду с получением сверхприбылей они вместе с немногочисленными местными купцами вносили вклад и в общее социокультурное развитие городов, поскольку служили окном во внешний мир, источником информации, поставщиками на внутренний рынок новых образцов товаров европейской мануфактуры.

В начале XIX в. из числа коренных жителей наряду с индусами и евреями операциями по купле-продаже товаров занимались преимущественно таджики. Пуштуны в городах редко вовлекались в систему торговли и в большинстве своем состояли из должностных лиц, воинов, мулл, а также наемных рабочих из числа беднейших слоев населения (*Elphinstone* 1842 Vol. 1: 333; *Moorcroft, Trebeck* 1841 Vol. 2: 413).

В северных владениях узбеки подобно пуштунам мало интересовались торговлей, что предоставляло возможность индусам и евреям пополнять возникший пробел (*Moorcroft, Trebeck* 1841 Vol. 2: 450–451). В отдельных местностях и городах, причем и крупных, они выступали единственными представителями, монополистами торговых и денежных операций. Местами под полный контроль взяли и рынок продовольственных товаров, который обеспечивался за счет продукции внутреннего производителя. Так, в середине 50-х гг. XIX в., в следствие распространения слухов о скором прибытии в Кандагар английской армии и возможным началом новой войны, торговцы-индусы ограничили поставки продовольствия на городской рынок и создали искусственный дефицит с целью последующей продажи продуктов по более высокой цене (*Lal* 1846b: 283; *Bellew* 1862: 187, 228–229). В 1880-х гг. в Кабуле в их руках была «сосредоточена почти вся торговля драгоценными камнями и ювелирными изделиями», поскольку купцы-индусы, пользуясь возникшими условиями продовольственного кризиса, по предельно заниженной цене покупали их у горожан, вынужденных продать свои драгоценности (*Мартин* 1910: 196).

Небольшой по масштабам афганский рынок также заставлял купцов конкурировать между собой. В конце XVIII в. армяне занимали маленькую нишу в торговой сфере Афганистана, однако «они с бесконечной ловкостью управляли индусом, магометанином и

даже евреем, расой, к которой они по религиозным принципам» относились с отвращением, однако «главной причиной их ненависти» являлась «коммерческая конкуренция» (*Forster* 1808 Vol. 2: 108–109, 130–131).

Армяне, евреи и индузы сохраняли за собой большую часть международной торговли Афганистана в целом, и многих афганских городов, в частности, контролировали крупные торговые операции на внутреннем рынке, включая далекие к северу от Кабула районы (*Туманович* 1989: 69). Больше остальных в этом преспевали индузы, которые превратив г. Хульм (на севере Афганистана) в перевалочный пункт, контролировали товаропоток между Кабулом и Бухарой. Весь товарооборот Кундуза с Яркендом в первой половине XIX в. находился под контролем того же Атмы Рамы, установившего монополию над обменом товарами как в Кундузе, так и с запредельными территориями.

Торговля в Кандагаре также находилась в руках индузов и только местами представлялась мусульманами из Шикарпуря (Синд), а также таджиками. Индузы могли выступать в качестве агентов торговых фирм Шикарпуря, контролировать валютные операции и сделки, связанные с продажей овечьей шерсти (*Lumsden* 1860: 99). В Герате подобно Кундузу и некоторым другим местам, правитель Яр Мухаммад привлекал их к работам по сбору всех видов налогов и податей. Купцы-евреи в этом городе, действительно, имели относительно стабильное положение, однако и там торговля, особенно с Индией, контролировалась индузами, которые имели «очень скромный внешний вид», но были «чрезвычайно богаты» и пользовались «большим уважением» (*Ferrier* 1857: 453–454).

Необходимость скрывать свое материальное состояние в условиях Афганистана, особенно для иноверцев, была подчеркнуто и другими авторами. Относительно кабульских армян один из английских эмиссаров писал следующее: «Они сказали, что много терпели от афганцев и часто подвергались тяжелым поборам. Богаты они или нет, сказать невозможно ... Но мужчина и женщина, которых я видел, были хорошо одеты. Если они богаты, а я думаю, что так и есть, с их стороны было бы крайне неразумно как-то это выставлять на показ» (*Allen* 1843: 313).

Гератские евреи, в свою очередь, наряду с соплеменниками из Мешхеда стали важными игроками в торговых отношениях между Средней Азией, Афганистаном и Ираном. Причиной роста их миграции к концу XIX в. в Закаспийскую область, прежде всего, стали чисто торговые и экономические интересы, а не социально-политические условия Афганистана. Пользу евреев для сферы торговли оценили и власти царской России, намеревавшиеся сначала депортировать их за пределы подконтрольных территорий, но затем с учетом вышеуказанных обстоятельств отменившие свое решение (*Куповецкий* 1992: 57).

Хотя после второй англо-афганской войны материальное давление со стороны властей начало одинаково возрастать и на местных купцов, тем не менее иноверцы, в частности, индузы, оставались более уязвимыми и угнетенными (*Ferrier* 1857: 321–322). При Абдурахман-хане власть посредством повышения налоговых ставок и введения дополнительных поборов начала сильно давить на всех купцов и в результате, многие, причем не только индузы, но и афганцы, перенесли свой капитал на территорию соседних государств (*Kakar* 1979: 204–205). Однако, ситуация для немусульман стало в двойне сложной, поскольку эмир положил начало политике постепенного вытеснения иностранного торгового капитала из Афганистана (*Босин* 2002: 111).

Афганским купцам в какой-то мере было сложно составлять конкуренцию индузам и евреям, поэтому ситуация требовала вмешательство властей. К концу столетия

Абдуррахман-хан начал поощрять афганцев все больше вовлекаться во внешнюю и внутреннюю торговлю. В частности, в этих целях местным купцам предоставлялись беспроцентные ссуды за счет государственной казны (Автобиография 1901 Т. 1: 96–97).

Другим направлением, куда особенно активно проникали индузы, была система откупа. Они выступали в качестве откупщиков торговых коридоров, целых районов, таможенных и транзитных сборов, в частности, на караванных путях между Бухарой и Кабулом (*Lord* 1839: 112). Этим они усиливали материальную нагрузку на торговцев и земледельцев, что, возможно стало одной из причин негативного отношения к ним.

Отсутствие элементарной грамоты у местного населения, как уже было отмечено, в совокупности с ограничениями, введенными нормами ислама в денежно-кредитной сфере, а именно запрета на предоставление ссуды под проценты, стали факторами, позволившими иноверцам контролировать ростовщические операции. Ссуды выдавались, в частности, и властям, совершились операции с векселями для осуществления расчетов в разных городах и странах (*Abbott* 1843: 39, 44, 47–48).

Для представителей немусульманских общин, прежде всего армян и евреев, другим занятием в Афганистане было производство алкогольных напитков в целях продажи. Отметим, что афганские власти, за некоторым исключением, не запрещали им употреблять алкогольные напитки, главным образом в Кабуле и Герате. Большой отток армян и евреев в следствие введенного Дост Мухаммадом запрета на производства вина свидетельствует о прибыльности этой отрасли. В дальнейшем, по мере изменения ситуации они продолжили получать доход от продажи спиртных напитков (*Allen* 1843: 313; *Yate* 1887: 140).

Таким образом, торговля осталась главным занятием для немусульманских общин Афганистана, однако местами, благодаря наличию знаний, им удавалось проникнуть и в систему государственной власти, по поручению правителей выполнять другие виды работы, связанные с налогами и доходами казны. Замкнутая и изолированная от внешнего мира хозяйственная жизнь и ограниченный масштаб внутреннего рынка дали им возможность получать сверхприбыли и в ряде случаев монополизировать внешнюю и внутреннюю торговлю. С другой стороны, этно-конфессиональная общность со многими внешними поставщиками и наличие более развитых навыков в сфере купли-продажи позволили немусульманам более эффективно организовывать поставки товаров на афганский рынок. Афганские власти на всех участников рынка смотрели через призму материальных интересов, поскольку тяжелую нагрузку на себя ощущали и земледельцы, состоявшие исключительно из местного мусульманского населения. Поэтому религиозное отличие иноверцев служил лишь дополнительным поводом для взыскания с них еще больше средств.

Заключение

Столетиями находясь и работая в Афганистане, армяне, евреи и индузы в сообществе мусульманского большинства всегда старались жить автономно, в собственных кварталах. В афганские города их привлекала исключительно купля-продажа товаров, которую местами они взяли под полный контроль. Низкий уровень интереса к торговле у местного населения, а также тотальная безграмотность создали возможность немусульманским общинам заполнять исключительно свободные в местной экономике и общественной жизни ниши. Предоставление ростовщических ссуд, а также производство и продажа спиртных напитков, чем мусульманам формально запрещалось заниматься, но на что имелся в стране спрос, являются самыми яркими тому примерами. Принятие

на службу при дворах правителей, прежде всего индусов, происходило параллельно и было связано с наличием навыков и знаний, которыми те обладали. Торговля, приносившая сверхприбыли, являлась главным, если не единственным фактором, привлекавшим и державшим эти общины в Афганистане и, в то же время, ставшим причиной их постепенного вытеснения из страны.

Их численность на протяжении XIX в. подверглась сильному колебанию вследствие социально-экономического давления властей, выступавших с одной стороны гарантомами защиты этих общин, с другой — основными угнетателями. Число индусов в отдельных городах, особенно в крупных, показывало заметный рост, а количество евреев стабильно находилось примерно в пределах одного и того же уровня за счет их постоянного притока из Ирана. Армян также к концу века осталось примерно столько сколько в начале, но политическая ситуация, созданная Исхак-ханом, кардинально изменила для них ситуацию.

Свободное пространство для занятия торговлей иноверцам со стороны афганских властей предоставлялось постольку поскольку они могли демонстрировать полезность, но по мере появления грамотных лиц среди местного населения они теряли свою значимость. Чем сильнее укреплялась структура афганской центральной власти, тем больше повышалась вероятность вытеснения немусульман из национальной торговой сферы. История афганских армян завершилась с уходом XIX в. вследствие чисто политических событий, а численность евреев и индусов продолжила сокращаться в XX в. в процессе более усиленного их вытеснения из афганской торговой сферы.

Источники

- Автобиография 1901 — Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана / пер. с англ. М. Грулева. СПб., 1902. В 2-х т. Т. I. СПб: В. Березовский, 1901. 388 с.*
- Борнс 1848 — Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятое по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества / пер. с англ. Г. Мина. М.: Университетская типография, 1848. 502 с.*
- Борнс 1849 — Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятое по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества / пер. с англ. Г. Мина. М.: Университетская типография, 1849. 644 с.*
- Вамбери 2003 — Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Восточная литература, (1874) 2003. 319 с.*
- ВСС 1868 — Военно-статистический сборник. Вып. III: Персия, Афганистан, Белуджистан, Средне-Азиатские владения, Китай, Япония, Северо-Американские Соединенные штаты, Мексика, Бразилия и республики Средней и Южной Америки / Сост., общ. ред. Н. Н. Обручев. СПб.: Военная типография, 1868. 338 с.*
- Гамильтон 1908 — Гамильтон А. Афганистан / пер. с англ. С. П. Голубинова. СПб.: В. Березовский, 1908. 334 с.*
- Катиб 1915 — Кати, Файз Мухаммад. Сирадж ат-таварих. Кабул: Матба'а-е дар-ул-салтана, 1331–33 г.х. (1915). 1240 с. (на языке дари).*
- Мартин 1910 — Мартин А. Ф. 8 лет при дворе неограниченного монарха / пер. с англ. Л. В. Омелянович. Ташкент: Коммерческая типография Я. П. Эдельмана, 1910. 252 с.*
- Мейендорф 1975 — Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Центральная Азия в*

- источниках и материалах XIX — начала XX века. М.: Наука, (1826) 1975. 181 с.
- Abbott* 1843 — *Abbott J. Narrative of a Journey from Heraut to Khiva, Moscow, and St. Petersburgh, During the Late Russian Invasion of Khiva, with Some Account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism.* Vol. I. London: W. H. Allen and co, 1843. 393 p.
- Adamec* 1979 — *Adamec L. W. Mazar-i-Sharif and North-Central Afghanistan // Historical and Political Gazetteer of Afghanistan.* Vol. IV. Akademische Druck-u. Verlagsanstalt, Graz—Austria, 1979. 691 p.
- Adamec* 1985 — *Adamec L. W. (ed.) Kabul and Southeastern Afghanistan // Historical and Political Gazetteer of Afghanistan* Vol. VI. Akademische Druck-u. Verlagsanstalt Graz—Austria, 1985. 847 p.
- Allen* 1843 — *Allen I. N. Diary of a March Through Sind and Afghanistan, with the Troops Under the Command of General Sir William Nott and Sermons Delivered on Various Occasions During the Campaign of 1842.* London: Hatchard, 1843. 468 p.
- Bellew* 1862 — *Bellew H. W. Journal of a Political Mission to Afghanistan, in 1857, under Major (now Colonel) Lumsden; with an Account of the Country and People.* London: Smith, Elder and co., 1862. 480 p.
- Broadfoot* 1885 — *Broadfoot J. S. Reports on Parts of the Ghilzi Country and on Some of the Tribes in the Neighbourhood of Ghazni; and on the Route from Ghazni to Dera Ismail Khan by the Ghalbali Pass.* Royal Geographical Society, Supplementary Papers. Vol. I. Pt. 3. London: J. Murray, 1885. 400 p.
- Conolly* 1834 — *Conolly A. Journey to the North of India: Overland from England, Through Russia, Persia, and Affghaunistaun.* Vol. II. London: R. Bentley, 1834. 440 p.
- Elias* 1886 — *Elias N. Report on a Mission to Chinese Turkistan and Badakhshan in 1885-86.* Calcutta: Printed by the Government Printing, 1886. 114 p.
- Elles* 1893 — *Elles E. R. The Military Geography of Afghanistan. Part V: Farah and Kandahar.* Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1893. 31 p.
- Elphinstone* 1842 — *Elphinstone M. An Account of the Kingdom of Caubul, and its Dependencies, in Persia, Tartary, and India* (1842). Vol. I. London: R. Bentley, 1842. 440 p.
- Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din* 1910 — *Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din. Final Report on Afghanistan.* British Agent at Kabul (1907–1910). Simla: Government Monotype Press, 1910. 72 p.
- Ferrier* 1857 — *Ferrier J. P. Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan; with Historical Notices of the Countries Lying Between Russia and India.* London: J. Murray, 1857. 534 p.
- Ferrier* 1858 — *Ferrier J. P. History of the Afghans.* London: J. Murray, 1858. 491 p.
- Forster* 1808 — *Forster G. Journey from Bengal to England: Through the Northern Part of India, Kashmire, Afghanistan, and Persia, and into Russia, by the Caspian-Sea,* Vol. II. London: R. Faulder, 1808. 334 p.
- Journals* 1911 — *Journals and Diaries of the Assistants to the Agent, Governor-General North-West Frontier and Resident at Lahore 1846–1849.* Allahabad: Pioneer Press, 1911. 584 p.
- Lal* 1846a — *Lal M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan of Kabul: With His Political Proceedings Towards the English, Russian, and Persian Governments, Including the Victory and Disasters of the British Army in Afghanistan.* Vol. I. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1846a. 399 p.
- Lal* 1846b — *Lal M. Travels in the Punjab, Afghanistan and Turkistan: To Balk, Bokhara, and Herat; and a Visit to Great Britain and Germany.* London: Wm. H. Allen & Co., 1846. 528 p.
- Leech* 1839 — *Leech R. Description of the Passes over the Hindoo Coosh Range of Mountains, from the Koh Daman of Cabool (To Accompany the Survey).* № VII // Report and Papers. Political, Geographical and Commercial. Submitted to Government. Calcutta, G. H. Huttmann, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 29–43.
- Lintz* 2020a — *Lintz U.-Ch. The Jewish Community of Herat, Afghanistan // Museo-on.* June 6th, 2020. [Электронный ресурс]. http://www.museo-on.com/go/museoon/home/projekte/jewishcemetery_heratafghanistan.xhtml (дата обращения: 14.12.2024).
- Lintz* 2020b — *Lintz U.-Ch. The Synagogues of Herat, Afghanistan // Museo-on.* June 6th, 2020. [Электронный ресурс]. http://www.museo-on.com/go/museoon/home/projekte/synagogues_heratafghanistan.xhtml (дата обращения: 14.12.2024).
- Lord* 1839 — *Lord P. B. A Memoir on the Uzbek State of Kundooz, and the Power of its Present Ruler*

- Mahomed Murad Beg. № XII // Report and Papers. Political, Geographical and Commercial. Submitted to Government. Calcutta, G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 96–124.
- Lumsden* 1860 — *Lumsden H. B.* The Mission to Kandahar: with Appendices. With Supplementary Report of the Expedition into Upper Meeránzye and Kourrum in 1856. Calcutta, 1860. 282 p.
- MacGregor* 1871 — *MacGregor C. M.* Central Asia. Part II: A Contribution Towards the Better Knowledge of the Topography, Ethnology, Resources, & History of Afghānistān: Compiled (for Political and Military Reference) by C. M. MacGregor. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1871. 870 p.
- Mason* 1893 — *Mason A. H.* The Military Geography of Afghanistan. Part IV. Kabul. Simla, Government Central Printing Office, 1893. 30 p.
- Masson* 1844 — *Masson Ch.* Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, the Panjab, & Kalāt, During a Residence in those Countries: to Which is Added an Account of the Insurrection at Kalat, and a Memoir on Eastern Balochistan. Vol. II. London: R. Bentley, 1844. 464 p.
- Moorcroft, Trebeck* 1841 — *Moorcroft W., Trebeck G.* Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab, in Ladakh and Kashmir, in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara. Vol. II. London: J. Murray, 1841. 459 p.
- Seth* 1992 — *Seth M. J.* Armenians in India (From the Earliest Times to the Present Day a Work of Original Research), New Dehli, 1992. 683 p.
- Yate* 1887 — *Yate A. C.* England and Russia Face to Face in Asia; Travels with the Afghan Boundary Commission. Edinburgh and London: W. Blackwood, 1887. 481 p.
- Yate* 1888 — *Yate C. E.* Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh and London: W. Blackwood, 1888. 430 p.

Научная литература

- Босин Ю. В.* Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М.: Издательство «Гуманитарий»; Академия гуманитарных исследований, 2002. 232 с.
- Григорьев С. Е.* Евреи Афганистана // Евреи Европы и Ближнего Востока: наследие и его ретрансляция. История, языки, литература, культура: Материалы международной научной конференции памяти Э. Брамсон-Альпернене 23 апреля 2017 г. / Отв. ред. М. О. Мельцин. СПб.: Петербургский институт иудаики, 2017. С. 157–163.
- Куповецкий М. С.* Евреи из Мешхеда и Герата в Средней Азии // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 54–64.
- Окимбеков У. В.* Налоги и налоговая политика Афганистана в первой половине XIX в. (на примере аграрного сектора) // Мусульманский Ближний и Средний восток: современные процессы, история и историография / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко. М.: ИВРАН, 2021. С. 450–475.
- Ромодин В. А.* Афганистан во второй половине XIX — начале XX в. (Официальная история и историография). М.: Наука, 1990. 141 с.
- Туманович Н. Н.* Герат в XVI–XVIII веках. М.: Наука, 1989. 287 с.
- Aharon S. Y.* From Kabul to Queens: The Jews of Afghanistan and Their Move to the United States. New York: American Sephardi Federation: Decalogue Books, 2011. 178 p.
- Kakar M. H.* A Political and Diplomatic History of Afghanistan, 1863–1901. Boston–Leiden: Brill, 2006. 259 p.
- Kakar M. H.* Afghanistan: A Study in International Political Developments, 1880–1896. Lahore: Punjab Education Press, 1971. 318 p.
- Kakar M. H.* Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir ‘Abd al-Rahman Khan. Austin and London: University of Texas Press, 1979. 328 p.
- Lee J. L.* The Armenians of Kabul and Afghanistan // Cairo to Kabul: Afghan and Islamic Studies Presented to Ralph Pinder-Wilson / ed. by W. Ball and L. Harrow. London, 2002. P. 157–162.

References

- Aharon, S. Y. 2011. *From Kabul to Queens: The Jews of Afghanistan and Their Move to the United States*. New York: American Sephardi Federation: Decalogue Books. 178 p.
- Bosin, Yu. V. 2002. *Afganistan: Polietnicheskoe obshchestvo i gosudarstvennaya vlast' v istoricheskem kontekste* [Afghanistan: Multi-Ethnic Society and State Power in Historical Context]. Moscow: Izdatel'stvo "Gumanitarii", Akademii gumanitarnykh issledovanii. 232 p.
- Grigoriev, S. E. 2017. Evrei Afganistana [Jews of Afghanistan]. In *Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: nasledie i ego retransliatsiya. Istorija, yazyki, literatura, kul'tura: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati E. Bramson-Al'pernene (23 aprelia 2017)* [Jews of Europe and the Middle East: Heritage and its Retransmission. History, Languages, Literature, Culture: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of E. Bramson-Alpernen (April 23, 2017)], ed. by M. O. Mel'tsin. Saint Petersburg: Peterburgskii institut iudaiki. 157–163.
- Kakar, M. H. 2006. *A Political and Diplomatic History of Afghanistan, 1863–1901*. Boston–Leiden: Brill. 259 p.
- Kakar, M. H. 1971. *Afghanistan: A Study in International Political Developments, 1880–1896*. Lahore: Punjab Education Press. 318 p.
- Kakar, M. H. 1979. *Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir 'Abd al-Rahman Khan*. Austin and London: University of Texas Press. 328 p.
- Kupovetskii, M. S. 1992. Evrei iz Meshkheda i Gerata v Srednei Azii [Jews from Mashhad and Herat in Central Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 54–64.
- Lee, J. L. 2002. The Armenians of Kabul and Afghanistan. In *Cairo to Kabul: Afghan and Islamic Studies presented to Ralph Pinder-Wilson*, ed. by W. Ball and L. Harrow. London. 157–162.
- Okimbekov, U. V. 2021. Nalogi i nalogovaia politika Afganistana v pervoi polovine XIX v. (na primere agrarnogo sektora) [Taxes and Tax Policy of Afghanistan in the First Half of the 19th Century (on the Example of the Agricultural Sector)]. In *Musul'manskii Blizhnii i Sredni vostok: sovremennye protsessy, istorija i istoriografiia* [The Muslim Near and Middle East: Modern Processes, History and Historiography], ed. by V. Ya. Belokrenitskii, N. M. Mamedova, N. Yu. Ul'chenko. Moscow: Institut vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk. 450–475.
- Romodin, V. A. 1990. *Afganistan vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. (Ofitsial'naia istorija i istoriografiia)* [Afghanistan in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. (Official History and Historiography)]. Moscow: Nauka. 141 p.
- Tumanovich, N. N. 1989. *Gerat v XVI–XVIII vekakh* [Herat in the 16th–18th Centuries]. Moscow: Nauka. 287 p.